

Т.В. Бордачев

Третье открытие Центральной Азии

Аннотация. В данной статье автор рассматривает историю взаимоотношений России со странами Центральноазиатского региона через призму трех этапов их развития (так называемых «трех открытий» Центральной Азии): в период существования Российской империи и ее прихода на территорию Туркестана; в период советского режима и, наконец, после обретения бывшими советскими республиками независимости. Автор кратко описывает современный геополитический контекст, в котором находится регион. «Первое открытие» Центральной Азии (Туркестана в терминологии того периода) произошло в ходе острой конкуренции России с Великобританией, крупнейшей колониальной державой. Автор сопоставляет европейский и русский ориентализм: согласно его выводам, на формирование последнего во многом повлиял приход Российской империи в регион Центральной Азии. Говоря о «втором открытии», автор использует метафору «падающего минарета», описывая те изменения, которые пережило общество Центральной Азии в ходе советской модернизации, и которые касались множества сфер жизни, причем зачастую самым кардинальным образом; автор кратко рассматривает как позитивные, так и негативные последствия политики СССР. Тем не менее, в 1991 году, с обретением независимости, республики начали свидетельствовать обратные процессы: автор упоминает, что в регионе помимо России появились и другие крупные игроки. В ходе рассмотрения «третьего открытия» автор дает краткий комментарий современной внешней политики РФ и предлагает пересмотреть ее текущую стратегическую модель в отношении Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, СССР, российская внешняя политика, постсоветское пространство, история российской внешней политики, Российская империя.

Автор: Тимофей Вячеславович Бордачев, Доктор политических наук, профессор, научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». E-mail: tbordachev@hse.ru

Timofey Borodachev

The third discovery of Central Asia

Abstract. In this article, the author examines the history of relations between Russia and the countries of the Central Asian region through the prism of three stages of their development (the so-called “three discoveries” of Central Asia): during the existence of the Russian Empire and its arrival on the territory of Turkestan; during the Soviet regime and finally after the former Soviet republics gained independence. The author briefly describes the current geopolitical context in which the region is located. The “first discovery” of Central Asia (Turkestan, in the terminology of the period) was made during the intense competition between Russia and Great Britain, the largest colonial power. The author compares European and Russian orientalism: according to his conclusions, the formation of the latter was largely influenced by the arrival of the Russian Empire in the Central Asian region. Speaking about the “second discovery”, the author uses the metaphor of a “falling minaret”, describing the changes that Central Asian society experienced during Soviet modernization, and which affected many areas of life, often in the most dramatic way; the author briefly examines both positive and negative consequences of USSR policies. However, in 1991, with the acquisition of independence, reverse processes began to take place in the republics of Central Asia: the author mentions that in addition to Russia, other major actors appeared in the region. In the course of considering the “third discovery,” the author provides a brief commentary on the modern foreign policy of the Russian Federation and proposes to reconsider its current strategic model in relation to Central Asia.

Keywords: Central Asia, Russia, USSR, Russian foreign policy, history of Russian foreign policy, Russian Empire, post-soviet states.

Author: Timofey Vyacheslavovich Bordachev, Doctor of Political Sciences, Professor, Scientific Director of the Center for Comprehensive European and International Studies of the National Research University — Higher School of Economics, Program Director of the Valdai International Discussion Club. E-mail: tbordachev@hse.ru

Российский путешественник середины XIX века был совершенно прав, когда отмечал, что «сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенной *terra incognita*, как говорилось в старину, то по крайней мере трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем» [Валиханов, 1904]. И надо признать, что за последние 200 лет Россия уже в третий раз открывает для себя соседей, с которыми ее связывает колоссальное равнинное пространство, не имеющее ни одного сколько-нибудь заметного топографического барьера. При этом на каждом этапе природу и содержание «открытия» определяют факторы, связанные с развитием самой России и ее международных отношений.

Открытие Туркестана Российской империей во многом было обусловлено влиянием экспансионистских практик европейских держав и даже было отчасти спровоцировано конкуренцией с ними (подробнее см.: Гуломов Х. Дипломатические отношения...). Тем более, что сама Россия к тому времени уже

достигла оптимальных для себя пределов территориального роста, объединила все восточнославянские народы и приобрела выход к основным мировым океанам. Открытие Средней Азии во времена СССР содержало в себе мощный и безальтернативный модернизационный импульс, источником которого были фундаментальные изменения российского общества под влиянием революционного перелома начала XX века. Октябрьская революция пришла в Туркестан и преобразовала его общество в соответствии с уникальными особенностями того строя, который советская власть установила в самой России.

Теперь Россия заново «открывает» для себя Центральную Азию как совокупность пяти независимых государств, уже прошедших значительный путь своего суверенного развития. Этот путь еще не привел их к сравнительно законченным формам государственности «классического» вестфальского образца, однако именно он побуждает Россию развивать знания о соседях и стремиться к лучшему пониманию их. Поэтому не удивительно, что Центральная Азия в который раз представляет собой некоторую загадочность. Причина в том, что, Россия никогда заранее не разрабатывала схему подхода к народам Центральной Азии, а ее интеллектуальные усилия были выстроены так, что это ограничивало познание региона в тех формах, которые сейчас становятся наиболее востребованными.

Мы не можем игнорировать то, что собственное поведение России определяется трансформацией, которую российское общество испытывает уже на протяжении более трех десятилетий после распада СССР. Нельзя выстраивать стратегию в отношении соседей в отрыве от понимания наиболее важных тенденций собственного развития — строительства единого многонационального государства-цивилизации во все более хаотичном внешнем окружении. В противном случае стратегия рискует оказаться тупиковой. Важной задачей понимания принципов взаимодействия является четкое определение места соседей, в данном случае — стран Центральной Азии, в системе российских интересов. Другой не менее важной составляющей является анализ их внутреннего развития как совершенно самостоятельного процесса, подчиняющегося внутренней логике не меньше, чем внешним факторам.

При этом оба измерения данного проблемного поля находятся между собой в состоянии диалектического взаимодействия, а их внутренние движущие силы не подчиняются линейной логике развития. Эволюция России неизбежно будет накладывать отпечаток на то, как она сможет взаимодействовать со своими соседями. Более того, в силу своих масштабов она неизбежно будет влиять и на их развитие. Однако это влияние всегда будет идти в связке с переменами, через которые проходит население Центральной Азии, а в силу нашей географической близости, отголоски локальных тенденций также будут прямо или опосредованно влиять на Россию. Иными словами, безоговорочную пользу сторонам может принести объединение опыта, накопленного ими практически за 200 лет сравнительно тесного взаимодействия.

Отдельный важный вопрос — это насколько существенным для нашего нового открытия региона является влияние именно современного контекста. Основные его проявления достаточно известны. Во-первых, современный этап рос-

сийско-центральноазиатских отношений происходит в условиях фундаментальных изменений глобального характера. Их отличительная особенность — резкий рост способности средних и малых держав к самостоятельному определению их внутренней и внешней политики. Эту тенденцию подхватили и наши соседи в странах Центральной Азии, впервые за долгое время получившие возможность полностью решать свою судьбу и не испытывать при этом существенных внешних угроз собственному выживанию.

Государства Центральной Азии достаточно часто проявляют стремление соответствовать тем принципам поведения идеального «Мирового большинства», которые за последние пару лет уже стали устойчивым конструктом на вооружении российской внешней политики. Однако сложно оценить, насколько эти стремления являются продуктом нового типа международной среды, а насколько — проявлениями уже давно известного феномена поведения суверенных государств по отношению к своим бывшим метрополиям, тесные связи с которыми они сохраняют. Мы только с высокой степенью неуверенности можем судить о том, в чем страны Центральной Азии следуют общим международным тенденциям, а в чем — выстраивают, часто инстинктивно, свою уникальную модель отношений с Россией.

Во-вторых, российское отношение к региону на современном этапе неизбежно испытывает некоторое воздействие сильно возросшего в последние годы внимания к нему со стороны основных друзей и противников России — Китая и страны Запада. Отчасти этот повышенный интерес имеет конъюнктурный характер — это «мода» на Центральную Азию на фоне провала стратегии Запада и международных институтов развития в других регионах, а отчасти является достаточно стратегическим. А если мы примем за чистую монету американские доводы, то наблюдается даже общность их мотивов: «по разным причинам, но и американцы, и китайцы опираются на идею глобализации. Соединенные Штаты намеревались (и по-прежнему говорят об этом, правда, без прежнего энтузиазма) дать Центральной Азии доступ к глобальному пространству. КНР желает сохранить собственную включенность в глобальную экономику, поддержать или максимально продлить ее прежнюю модель» [Сафранчук, 2016].

Непосредственные причины этого внимания также вполне доступны для систематизации. Это, в первую очередь, естественное стремление Китая к расширению сферы своего экономического могущества, получившее практическое измерение после 2013 года. Именно Центральная Азия оказалась тем регионом, где китайские намерения и российское присутствие впервые отчетливо пересеклись после того, как пришедшее к власти в 2012 г. руководство КНР приняло решение конвертировать свои экономические достижения в некоторое геостратегическое влияние. Независимые государства Центральной Азии стали настоящим «общим соседством» России и Китая через 150 лет после того, как китайское влияние было вытеснено из региона европейскими империями XIX века.

Большую роль играет и возросшая готовность стран Запада более активно противодействовать России и Китаю на этом пространстве. США и, в меньшей степени, Европа рассматривают пространство Центральной Азии как часть своей дипломатической игры, цель которой — максимально ослабить их основных гео-

стратегических конкурентов в Москве и Пекине¹. И мы не знаем, интересы какой из этих столиц являются главным объектом приложения усилий западной дипломатии. Также контекст формирует сравнительная стабильность политических режимов региона и их собственное желание брать максимально много от глобальной экономики. Наконец, в Центральной Азии отсутствуют ограничители, с которыми Запад и Китай сталкиваются там, где их интересы и намерения хорошо известны. Для ее жителей европейские, американские или китайские намерения и способы реализации их интересов были на протяжении более чем столетия скрыты безусловным российским доминированием, имевшим в этом смысле как положительные, так и отрицательные стороны. В том числе, им пока не приходилось в полной мере сталкиваться с практиками, о которых хорошо осведомлены народы Африки, Ближнего и Среднего Востока, а также Южной Азии.

Однако хорошо известны и ограничители, из-за которых современному ажиотажу в будущем будет труднее преобразиться в некий новый импульс развития региона. Среди них — сравнительно небольшое по глобальным меркам население на значительной территории, пригодность которой для жизни может вызывать сомнения, удаленность от привычных и удобных торговых путей, легкая досягаемость при желании внешних сил поддержать там разрушительные внутренние импульсы, исчерпание собственных природных ресурсов, а также конфликт между демографическим ростом и изменениями климата. Базовые условия развития стран региона прекрасно характеризует в своей работе видный американский ученый Фредерик Старр: «общая площадь культурной области «Большой Центральной Азии» меньше, чем восток Соединенных Штатов или вся Западная Европа, а большая часть всех трех составляющих ее зон практически необитаема» [Старр, 2017]. Преодолеть последствия такого уникального геополитического положения сложно — это в полной мере осознается политическими лидерами региона. И совершенно не хотелось бы увидеть через 10—15 лет в числе политологических бестселлеров Запада произведения с названием: «Почему у Центральной Азии не получилось?»

Открытие первое

Признавая значение исторического контекста, сейчас мы не должны игнорировать то, какую роль он уже играл в прошлом. В действительности продвижение Российской империи в Туркестане оказалось во многом спровоцировано той конкуренцией, которая развивалась между Санкт-Петербургом и Лондоном во

¹ По этой проблеме в последние годы было опубликовано несколько интересных статей российских авторов. См., в том числе: Малышева Д. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, Т. 65, № 7. С. 106—115; Притчин С. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, Т. 67, № 12. С. 104—115; Притчин С. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2022, Т. 66, № 6. С. 112—123; Сафранчук И. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // *Россия в глобальной политике*. 2007. № 6. С. 112—121.

второй половине XIX века¹, а также общим ослаблением Китайской империи, облегчавшим реализацию устремлений двух могущественных европейских империй. И только уже потом оно сопровождалось открытием региона как объекта приложения модернизационных усилий со стороны царской администрации, хотя и весьма незначительных.

Оценивая действия царской России в регионе, крупнейший отечественный востоковед Василий Бартольд писал: «в Туркестане, в противоположность Сибири, русская власть имела полную возможность проводить свою политику. Туркестан, с его сравнительно густым населением и сравнительно высокой культурой, не мог быть присоединен к России теми же способами, как Сибирь. Занятие Туркестана происходило по распоряжению правительственных властей, и ими же решались судьбы завоеванного края и его населения; непоследовательность и изменчивость правительственной политики объясняется не какими-либо внешними препятствиями при осуществлении начинаний правительства, но колебаниями самого правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края и его прошлым» [Бартольд, 1927]. Как в самой России, где, по выражению Василия Ключевского «любясь, как реформа преобразовала русскую старину, не доглядели, как русская старина преобразовала реформу» [Ключевский, 1959], российская политика в Туркестане нуждалась в более глубоком понимании природы местного общества и создаваемых им институтов.

Двигателем модернизационных усилий становится развивавшееся тогда в России стремление к реформам и, одновременно, познанию окружающего мира. И оно же определяет восприятие реалий региона. Выдающийся ученый — географ Чокан Валиханов в своих заметках о путешествии в Кашгарию описывает их наиболее эмоционально: «Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то паталогический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня, с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами. (...) На этих оазисах, на развалинах многовратных городов, стоят жалкие мазанки и в них живет дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев с одной стороны и полицейской властью китайцев с другой» [Валиханов, 1904].

Такое драматическое восприятие является естественным для образованного человека эпохи и создает посыл, одинаково созидательный и ограничивающий

¹ Необходимо отметить, что «первая рекогносцировка» Туркестана со стороны Российской империи имела место еще в XVIII веке, когда был основан Оренбург и другие «пограничные» сибирские города, устанавливались контакты с ханами казахской степи, делалась разведка и развивалась торговля с городскими центрами Туркестана, предпринимались попытки играть на балансе между местными центрами государственности. Однако, в ту эпоху действия русской администрации диктовались, скорее всего, экономическими соображениями и, соответственно, не вели к развитию сколько-нибудь интересных и убедительных размышлений о положении региона в системе российских интересов. То есть «открытием» в нашем смысле не были. Данный исторический период может представлять, вместе с тем, интерес, поскольку мы и сейчас любим поразмышлять о необходимости более прагматичной и далекой от модернизационных устремлений политике.

возможности познания, свойственные европейскому ориентализму. Для него «золотой восток, страна чудес», восток «Тысячи и одной ночи» постепенно отходит в область легенд; зато перед нами разворачивается картина действительной жизни восточных народов и выясняются причины, определившие ход их истории и их роль в истории человечества» [Бартольд, 2014]. Русский ориентализм развивается в уникальных условиях и, в отличие от западного, не имеет под собой прочной духовной основы, определяющей явное или скрытое превосходство исследователя над объектом исследования [Саид, 2006; Саид, 2012]. Но одновременно это способствует исчезновению дистанции, которая бывает необходимой для подлинного понимания отличающейся цивилизации. При этом именно Центральная Азия дает материал, позволяющий российским исследованиям Востока обрести определенную уникальность.

Российская империя приходит в Туркестан с двойственной политикой. С одной стороны, он становится для нее территориальной базой в противостоянии с британскими конкурентами и, одновременно, источником ресурсов, среди которых на первом месте хлопок. С другой стороны, у нее не получается принять стратегию своих европейских противников, умевших построить разделительные барьеры между собой и покоренными народами. Отчасти это связано с тем, что, в отличие от британцев или французов в Африке и Юго-Восточной Азии, мы имеем дело с одним из наиболее древних очагов мировой культурной жизни и государственности [Якубовский, 1941]. Многие народы Туркестана — это еще и наследники империи, созданной Чингисханом и его потомками, с которой сама Россия находилась в даннических отношениях.

Угасание Золотой Орды перетекало в присоединение ее земель к Русскому государству и этот исторический опыт, во многом, определял наше отношение к другим частям бывшей монгольской империи даже по прошествии 2-3 столетий. С давних времен Бухара, Хива или Самарканд становились местом пребывания значительного количества русских невольников, угнанных в рабство ордынцами или местными разбойниками [Веселовский, 1878]. Плавное движение империи на Восток, даже если производится в форме прямого завоевания, представляет собой продолжение ее внутреннего развития на протяжении предшествовавших столетий. И Туркестан, конечно, рассматривается, вполне в рамках концепции Василия Ключевского, применительно ко всей территории России с древнейших времен¹. При таком взгляде не удивительным является отсутствие восприятия региона в качестве колонии, что прекрасно иллюстрирует факт отсутствия российского павильона в колониальных отделах Всемирной выставки в Париже в 1900 году [Шевеленко, 2017].

В результате, когда изучение Туркестана принимает действительно масштабный характер, русским исследователям приходит в голову то, до чего никогда не додумывались толком их европейские коллеги — интересоваться настоящими, а не сконструированными в рамках собственной умозрительной схемы, чувствами и мыслями новых подданных нашей огромной континентальной империи. При-

¹ Речь идет о его известном тезисе: «история России есть история страны, которая колонизируется». См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 2.

чина в том, что их модернизационные устремления связаны с судьбой самого русского народа, отталкиваются от его собственного опыта и возникающего видения своего места в мире. Яркий представитель российской науки той эпохи призывает: «знания, науку, станем сообщать приемами, сообразными с умственными силами, с духовным развитием народов, не в чужих формах, как приняла ее сами, а стараясь, чтобы она проникла в их природу. Мы передадим Азии только то, что Европа произвела хорошего, переработав прежде Европейскую цивилизацию в самих себе; короче будем воспитывать Азию как свое родное дитя, вскормим его собственной грудью, как мать» [Григорьев, 1840]. Вряд ли можно было придумать более надежный заслон на пути развития в России ориентализма, как увлеченного предметом, но отстраненного метода познания другой цивилизации.

Следуя такой парадигме, выдающийся востоковед второй половины XIX века Николай Веселовский пишет: «во время моего пребывания в Туркестанском крае (в течение 1885 года) с археологической целью, я не упускал из виду и задач исторических. В числе последних меня интересовал вопрос: какое впечатление на умы туземного населения произвели наши завоевания в Средней Азии, как смотрели туземцы на это великое событие в то время и как смотрят теперь? Что думали туркестанцы во время недавней борьбы с нами о себе, о нас; чего ждали и чего опасались со стороны пришлых завоевателей? Мне казалось, что такое событие, как завоевание русскими Туркестанского края, не могло не отразиться в туземной литературе тем или иным образом» [Веселовский, 1894]. Мы видим, такими образом, что уже на раннем этапе развития наших систематизированных знаний о Центральной Азии, русская наука руководствуется стремлением, прямо противоположным базовым установкам западного ориентализма, когда даже «личный опыт пребывания на Востоке (для него) оказывается не более, чем не всегда удачной иллюстрацией к исходному книжному знанию» [Говорунов, Кузьменко, 2013].

В основе этого стремления находится сочетание факторов, главный из которых — это единство природы самого российского государства и происходящих с ним процессов, с одной стороны, а с другой — его отношения с цивилизацией Центральной Азии. Результаты оказались впечатляющими и позволили в середине прошлого столетия обоснованно прийти к выводу, что «изучение истории так называемого мусульманского мира благодаря трудам В.В. Григорьева, Д.А. Хвольсона, П.И. Лерха, И.Н. Березина, В.Г. Тизенгаузена, Н.И. Веселовского, В.В. Радлова и В.Р. Розена достигло в России серьезных успехов. На основе изучения ряда важных арабских, персидских и тюркских письменных источников, и нумизматических материалов появились исследования, знаменовавшие возникновение самостоятельной русской историко-востоковедческой школы, которая заняла почетное место в мировом востоковедении» [Бартольд, 2014]. Процесс познания этими учеными Центральной Азии происходит параллельно с ее включением в состав империи, что сокращает временные возможности для формирования взгляда на отношения с соседями, как на преимущественно дипломатические.

Тот же Николай Веселовский более хладнокровно смотрит на отношения с государствами региона в тех случаях, когда речь идет о чистой политике и отмеча-

ет бессмысленность множественных попыток взаимной дипломатии на ранних этапах: «у нас же выдавались иногда периоды, хотя и незначительные, когда мы совершенно забывали и о существовании самой Средней Азии, и о тех несчастных наших соотечественниках, которые томились там в рабстве. Зато ханы нас никогда не забывали и слали к нам послов за послами. Предложения ханов, в сущности, были довольно однообразны и, можно сказать, довольно пусты» [Веселовский, 1884]. В результате, «подобных посольств к нам из одной только Хивы за время с 1916 по 1744 год насчитывается до 27, не считая дополнительных, к некоторым из них, гонцов, приезжавших с многочисленными свитами особо. Средним числом одно хивинское посольство на $4\frac{1}{2}$ года» [Веселовский, 1884]. Государственные образования региона, существовавшие до прихода России, и даже сохранившиеся после него, не видятся ему в качестве состоявшихся законченных форм. Тем более, что Россия к моменту своего появления на берегах Амударьи уже имеет опыт интеграции в свой состав целого ряда мусульманских сообществ на Волге и в Крыму [Котляров, 2017]. А первый такой опыт возникает еще до обретения Россией полной независимости, когда в 1452 г. великий Московский князь Василий II Васильевич (Темный) приглашает татар царевича Касима составить отдельное «царство» в пределах его рязанских владений [Бахтин, 1991].

Россия, таким образом, сочетает в своем поведении модернизаторские устремления, характерные для европейского ориентализма и собственный богатый опыт взаимодействия с восточными и мусульманскими сообществами. Не случайно в одном из своих выступлений русский востоковед XIX века эмоционально указывает на это как на основу российской политики на Востоке: «царевичи и Мурзы, переселяясь добровольно в Россию, получили в ней все преимущества наших высших классов и из теперешних аристократических фамилий Русских, очень многие ведут род свой от этих Ордынских выходцев. Так и везде в Азии покоренные народы ее были в наших глазах не рабами на службу России, а братьями нашими, о благосостоянии которых мы должны заботиться, как о своем собственном» [Григорьев, 1840]. Продолжающееся строительство российского государства, как такового, и интеграция в его состав только завоеванных народов Туркестана представляют собой связанные части одного исторического процесса. Вряд ли такое можно представить, когда мы говорим о британской политике в Индии или отношении французских мыслителей к развитию народов Северной и Западной Африки. Тем более, что в Европе процесс формирования основы государственности имеет к середине XIX века практически законченный характер, а в России он не прекращается никогда.

Такое объединение внутреннего и внешнего в отношениях с народами Центральной Азии становится, как отмечалось выше, естественным продолжением уже имевшегося опыта. После своего освобождения от ордынской даннической зависимости Россия получает уникальный для современных держав опыт постепенного и, в конечном итоге, полного поглощения наиболее сильного и опасного соседа и полной интеграции его в собственный государственный организм. Могущественный народ, на протяжении более чем 200 лет представлявший собой крупнейшую угрозу для великорусского этноса, пал под давлением собственной внутренней слабости, был разгромлен на поле боя и, в конечном итоге, пол-

ностью включен в состав России, а большая часть его аристократии влилась в русское дворянство.

Причины данного феномена — отдельный огромный сюжет отечественной истории, пока полностью не раскрытый. Российский историк конца XIX века отмечает: «инородческие религии не нашли в московской власти гонительницу. Это не значит, что она в своем практическом отношении к религиям новых подданных являлась похожей на государственную власть императорского Рима, дававшего место в пантеоне божествам покоренных народов. Не означает это и того, что московская власть была чужда желания обратить инородцев в христианство. Но эти ее стремления, совпадавшие с религиозной ревностью многих подданных русского происхождения и в особенности духовенства, сталкиваясь с фискальными ее стремлениями, в значительной степени умерялись опасением, как бы этой ревностью не ожесточать инородцев...» [Фирсов, 1886].

Поэтому с политической точки зрения для России признание за «другим» его самоценности не является основанием ни отказаться от своих планов, ни попытаться привести новых подданных к единому цивилизационному знаменателю. Но наше внутреннее согласие с сохранением уникальности народов и общественных институтов Центральной Азии становится уже на раннем этапе препятствием к тому, чтобы видеть эти земли в системе собственных внешнеполитических интересов, а также изучать их с требуемой степенью отстраненности. Обе эти особенности российской стратегии в отношении важного региона присутствуют в полной мере и сейчас. Во многом потому, что после падения Российской империи нам предстояло пережить исторический опыт, оказавший еще более фундаментальное воздействие.

Открытие второе

Советская модернизация Средней Азии отчасти стала продуктом сначала борьбы молодой коммунистической власти против ее глобальных противников, а затем — выживания СССР в противостоянии с глобальным капиталистическим сообществом рыночных демократий и, со второй половины 1960-х гг., встающим на ноги Китаем. Однако еще в большей степени она была обусловлена не имевшим границ масштабом изменений российского общества. В своем увлекательном повествовании о спасении северо-восточного минарета медресе Улугбека в Самарканде выдающийся советский археолог Михаил Массон пишет, в частности: «новым пришедшим к власти людям хотелось иного, чем прежде, нового отношения ко всему, в том числе и к памятникам старины. Их подкупала научно обоснованная аргументация Мауэра. В его смелом предложении «оторвать» громаду минарета от здания, качнуть его, выпрямить и опустить на свое прежнее место целиком они чувствовали что-то созвучное прокатившимся по всей стране волнам революционного подъема» [Массон, 1968].

Эта история является прекрасно иллюстрацией всей политики и философии советского периода в отношении развития Центральной Азии. Сдвинутый могучим усилием со своего места минарет общественного уклада был «оторван» от

более широкой цивилизации, к которой он принадлежал на протяжении предшествовавших тысячелетий. Именно на это не напрямую указывает в своей уже цитировавшийся выше работе Ф. Старр, когда обращает внимание читателя к «золотому веку» Центральной Азии, связанному географически не с Россией, а с более древними цивилизациями Ирана и Индии. Возвращение в этот цивилизационный ареал может оказаться естественным процессом будущего. Оно сейчас уже проявляется в отдельных тенденциях развития региона и его отношений с Россией. Все эти процессы, нравятся они нам или нет, имеют естественный характер. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что возвращение Центральной Азии в столь поэтически воспетое Ф. Старром цивилизационное пространство Среднего Востока и Южной Азии может иметь свои хорошие и плохие последствия.

Тем более, что на пути к этому придется преодолевать последствия советской модернизации: «специальные программы поддержки и выравнивания статуса для разного рода меньшинств и периферийных районов; большое внимание, конечно, не без корысти и издержек, уделялось эмансипации женщин. Советская утопия, или идеальная модель общества, обещала каждому успешную перспективу, что многих людей привлекало и создавало осмысленные мотивации поведения» [Абашин, 2017]. Наиболее важное достижение советского периода в развитии отношений между Россией и народами Центральной Азии — это всеобщее равенство, но устанавливающее некую общую основу общения между представителями элиты разных национальностей и, не без исключений, конечно, внутри них. Для России и нашего восприятия этого важного региона особенности советской общественной модернизации сформировали новые препятствия для отстраненного отношения к народам Центральной Азии. И, соответственно, восприятия их государственности, как той, отношения с которой нужно выстраивать исключительно исходя из российских интересов. В результате мы должны быть готовы к тому, чтобы со временем учитывать последствия изменений в обществах региона, контролируя то, какое воздействие оказывает на наше понимание 200 лет уникального опыта его познания.

В 1991 г. минарет государственности народов Центральной Азии вернулся на свое место, но остаются последствия воздействия, оказанного на него руками советских «архитекторов». И не удивительно, что вплоть до последнего времени одним из последствий советской эпохи был «массовый, хотя и не единодушный, отказ рассматривать себя в качестве бывшей колонии» со стороны элит стран Центральной Азии. Это «говорит нам о том, что среднеазиатское общество в значительной своей мере приняло многие черты советской социализации и сформировало собственную советскую идентичность» [Абашин, 2017]. Со своей стороны познание Центральной Азии, в том числе Россией, также прошло большой путь под воздействием всей советской парадигмы интерпретации исторического процесса и культуры. Именно в советские годы написано большинство трудов по истории народов Центральной Азии, таких, как «Государство кочевых узбеков» [Ахмедов, 1965] или «Государство Саманидов» [Негматов, 1989], «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.)» [Байпаков, 1986], «Очерки политической истории Киргизии XIX века» [Джамгерчи-

нов, 1966] или «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи» Саула Абрамзона [Абрамзон, 1971]. Силами ученых Москвы, Ташкента, Алматы, Ленинграда и других научных центров создается множество работ, исследующих отдельные аспекты жизни и хозяйственной деятельности в Средней Азии. Именно в советский период накопленные ранее заделы становятся основой целостной научной системы представлений о том, что из себя представляют на самом деле народы Средней Азии.

Была у социалистической модернизации и обратная сторона, которая особенно драматически сказывалась на истории российского познания Центральной Азии и ее народов. В первую очередь — это, конечно идеологический гнет, сопровождавший советское обществоведение уже с 1920-х годов. Так, например, обвинения в адрес выдающегося востоковеда Саула Абрамзона со стороны партийных органов состояли в том, что его научно объективный анализ этнической истории «игнорирует те колоссальные изменения в этнографическом облике киргизов, которые произошли за годы советской власти», «преувеличивает роль родоплеменных пережитков в современной жизни киргизов», (...), что «такого рода публикации явно не способствуют монолитности киргизской нации, укреплению дружбы между нациями» [Табышалиев, 1990]. Во-вторых, в первые десятилетия советской власти ее представители сознательно подходили исключительно критически ко всему, что было связано с пребыванием народов Центральной Азии в составе Российской империи. Известный нам сегодня «постколониальный дискурс», который стремятся распространить противники России на Западе, возникает не на пустом месте, если принять во внимание советскую историографию 1920-х — 30-х годов. Которая, в сущности, отрицала весь опыт изучения региона в предшествовавший исторический период [Кривошеев, Дворниченко, 1994].

Один из проводников такой линии Михаил Покровский утверждал, например, что «самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего, и целая огромная область — область национального вопроса и всего, что с ним связано, борьбы с великодержавным шовинизмом как с главной опасностью» [Кривошеев, Дворниченко, 1994]. Не был обойден в упреках по поводу «колониализма» и академик В.В. Бартольд, представлявший собой, по мнению критиков, «столь типичный образчик великорусского великодержавного шовинизма, что приходится только разводиться руками, почему такая книжка («Очерки культуры жизни Туркестана». — *Авт.*) могла появиться в нашей стране. По существу, это апологетика действий великодержавного русского шовинизма, русского капитала, русской колониальной политики в Средней Азии» [Кривошеев, Дворниченко, 1994]. И было бы неправильно отрицать, что существенный вклад в развитие этнического национализма и отрицания всего, что было связано с российским влиянием является продуктом исключительно современности или враждебного влияния противников России. Во-многом, основа этих явлений была заложена в ходе научной дискуссии первоначального этапа становления СССР как уникальной системы общественных отношений.

Второе «открытие» Россией ее соседей в Центральной Азии, таким образом, оказало фундаментальное влияние уже не только на наше восприятие этих наро-

дов, но и их собственное понимание России. Тем более, что в процессе был накоплен колоссальный историографический материал, остающийся и сейчас источником практических знаний о регионе. Также была предпринята попытка решить базовое противоречие прежней политики — восприятие самостоятельных цивилизаций как естественной, хотя и в недалеком будущем, части большой русской культуры и общественных институтов. Создание новой «общей» советской цивилизации должно было ликвидировать все предшествующие исторические наслоения, образовав на их основе новое общество с его уникальными наднациональными особенностями. Отчасти это удалось. Но не в меньшей степени такой эксперимент способствовал и закреплению и так свойственной особому русскому ориентализму привычки к отсутствию отстраненности исследователя от предмета исследования.

Поэтому сейчас советский опыт понимания Центральной Азии представляет собой большое историографическое значение, но мало может нам дать там, где необходимо понимать способы выстраивания отношений с ее независимыми государствами. А полностью принять западную традицию «романтического ориентализма», наиболее ярким представителем которой в том, что касается Центральной Азии, является Ф. Старр, также не представляется сейчас возможным. Она противоречит действительному историческому опыту России в этом регионе за прошедшие два столетия: «огромный ствол минарета был целиком отделен от своего основания и закреплён на раме с шатунами. Вся поврежденная его часть от уровня фундамента на высоту нескольких метров была удалена. Ее заменили капитальной железобетонной кладкой. Прилагая усилие всего в 12 килограммов, короткими поворотами винта с паузами разной длины в течение нескольких часов ствол минарета медленно качнули в обратном падению направлении и... выпрямили» [Массон, 1968].

Открытие третье

Неудивительно, что сейчас, в момент нашего третьего «открытия» Центральной Азии российская политика и система представлений о регионе носит двойственный характер. Тем более, что пока возникшие в регионе после распада СССР независимые государства не создавали серьезных поводов для нарастания в России беспокойства и стремления лучше разобраться в их развитии с позиции сугубо внешнего игрока. Главный фактор, заставляющий нас энергично думать об определенном внешнеполитическом направлении — это исходящая оттуда угроза, и надо признать, что здесь Центральная Азия создает недостаточно стимулов для масштабной и массовой рефлексии. Ведь если оценивать происходящее с точки зрения основных процессов, создающих тревожность в международной политике, то Центральная Азия — это один из немногочисленных регионов современного мира, где мы можем последние тридцать лет наблюдать наибольшую стабильность межгосударственных отношений и отсутствие сколько-нибудь серьезных столкновений. Поэтому единственный вопрос, связанный с внутренним развитием стран региона, а не политикой там великих держав, получивший

действительно масштабное освещение в российской историографии новейшего времени — это проблема религиозного радикализма [Naumkin, 2005]¹. Даже рассмотрению собственно внутривосточных процессов посвящено меньше фундаментальных исследований [Звягельская, 2009].

Несмотря на множественные внутривосточные конфликты, ни одно из этих государств не рухнуло, как многие на Западе ожидали — и даже надеялись — на первых этапах независимости после распада СССР. Каждая из стран региона развивается по собственному уникальному пути, отражающему исторический опыт и культурные особенности. Говоря о практиках государственного управления, сложно найти в Центральной Азии то, что было бы настолько могущественным наследием эпохи модернизации XX века, чтобы заслонять собой более ранние практики сохранения сравнительной устойчивости. Практически все современные тенденции развития не разрушают центральноазиатские общества, а впитываются ими, адаптируются мощным культурно-цивилизационным слоем, накопленным за столетия. Но у этого, конечно, есть и свои отрицательные стороны. Так, например, имеющей основания видится гипотеза о том, что «с распадом СССР многие процессы, которые происходили или начинали разворачиваться в его рамках, были прерваны, исчерпали себя или потерпели неудачу, а колониальные практики и представления оказались в итоге заметнее и вдруг проявились в новых формах, например, в миграции из Средней Азии» [Абашин, 2017]. Ведь именно миграционные вопросы становятся сейчас одними из важнейших в практических отношениях России со странами региона: они являются неизбежным следствием нашей общей включенности в рыночную экономику.

Во всем остальном положение является действительно успокаивающим: при наличии постоянно растущего населения, потенциала для водной проблемы в межгосударственных отношениях и значительного количества неурегулированных до конца территориальных и приграничных вопросов. Пока в пользу стабильности в Центральной Азии и невозможности разворачивания в регионе действительно опасных конфликтов говорят несколько важных объективных факторов. Уникальное геополитическое положение, которое становится очевидным при простом взгляде на карту, не способствует обострению здесь международно-политической ситуации. Государства Центральной Азии соприкасаются с двумя крупными державами, сохраняющими между собой крайне дружественные отношения на грани союзничества, — Россией и Китаем. Оба эти государства не стремятся к созданию в регионе закрытых военных союзов, целью которых было бы ограничение возможностей друг друга или создание искусственных разделительных линий.

За счёт того, что с юго-востока к Центральной Азии примыкает Иран, также не являющийся союзником Запада, а на юге находится нестабильный Афганистан, государства этого региона представляют собой проблему с точки зрения логистической доступности для США и их союзников. На самом деле доступ в

¹ См. также: Naumkin V. *Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle*, Boulder: Rowman and Littlefield, 2005, а также: Линке П., Наумкин В.В. *Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе*. М.: ИВ РАН, 2013. 216 с.

Центральную Азию в действительно серьёзных масштабах был возможен для США только в период их сотрудничества по афганскому вопросу с Россией и пакистанским правительством времен генерала П. Мушаррафа. Поэтому даже если бы страны Запада серьёзно попробовали создать в Центральной Азии очаг напряжённости, им было бы достаточно сложно это сделать просто по причине отсутствия удобного прямого доступа.

В силу своей геополитической и этнической композиции Центральная Азия не может стать основой для формирования государств или их союзов, которые представляли бы опасность для соседних держав. Государства региона пока не готовы создать между собой устойчивые постоянные формы сотрудничества, на мировоззренческом уровне их объединяет наличие общих внешних и внутренних вызовов. Распространение радикальных религиозных идей стало вызовом стабильности этих стран с первых лет их независимого существования и в случае с Таджикистаном привело к кровопролитной гражданской войне. В Узбекистане противодействие радикальным движениям стало одной из наиболее приоритетных задач правительства, и проблема успешно решается. Другие государства региона также с разной степенью остроты почувствовали угрозу от появления радикальных идей и их носителей, и элиты прекрасно понимают, что это таит в себе смертельную опасность.

Страны Центральной Азии представляют собой сравнительно стабильные политические режимы и состоявшиеся общества, в которых решается проблема хронической бедности и ярко выраженного неравномерного распределения доходов. Лидерам стран Центральной Азии предстоит, конечно, ещё много сделать для экономического развития и сокращения зависимости цен на энергоресурсы. Однако для такой работы у них есть серьёзная база внутри. Во всех случаях, кроме Туркмении, деятельность государства дополняется институтами гражданского общества и местного самоуправления на низовом уровне. Сейчас усилия всех без исключения правительств стран Центральной Азии направлены на то, чтобы постепенно повышать степень экономической открытости и вовлечения в международные связи [Сафранчук, Махмудов, 2021]. Лидером в этом отношении является Узбекистан, где уже несколько лет проводится политика открытости, приносящая весьма впечатляющие результаты. Другие государства действуют менее последовательно или обладают для этого не настолько серьёзными демографическими ресурсами, чем те, что находятся в распоряжении официального Ташкента.

Хотя это не означает, что государствам Центральной Азии будет просто достичь уровня и качества жизни своих крупнейших соседей — России или Китая. С учётом того, что от наиболее страшных вызовов существованию все пять стран сравнительно защищены, важным является вопрос об их способности преодолеть ловушку уровня развития, при котором разрушение государства невозможно, но его выход на новый уровень в плане качества жизни населения также становится труднодостижимым. Более того, отдельные аспекты развития Центральной Азии, связанные с ее интеграцией в мировую экономику, могут вызывать тревогу относительно отношений с Россией. Историк развития общественных институтов региона отмечает, в частности, что «распад СССР и последовавший

за ним кризис, а потом подключение (стран Центральной Азии. — *Авт.*) к неоллиберальному глобальному порядку могло задействовать такие механизмы трансформации, которые актуализировали именно (нео)колониальные отношения и блокировали во многом продолжение модернизации и формирование социального строя, который продвигался, пусть непоследовательно и противоречиво, в советское время. Это произошло и в самой России, которая отказалась от сильной социальной политики и всё больше стала превращаться в поставщика сырья, — что позволяет многим говорить о колониализме уже в отношении неё самой» [Абашин, 2017].

При этом сама Россия, в отличие от действий Великобритании в Южной Азии, в момент получения странами Центральной Азии независимости не ставила перед собой задачу создания в регионе фундамента для постоянных враждебных отношений между новыми независимыми государствами по принципу «разделяй и властвуй» [Звягельская, 2009]. Мы видели выше, что такая философия не отвечала принципам российской колониальной политики в XIX веке, государственному устройству в эпоху СССР, да и было просто не по силам самой России в начале 1990-х годов, даже если бы такое пришло кому-то в голову. Россия достаточно спокойно и сдержанно отнеслась к тем сложностям, с которыми столкнулось русскоязычное население после 1991 года, и никогда не пыталась использовать этот фактор для подрыва внутренней стабильности стран Центральной Азии.

И наконец, что не менее важно, у мира в регионе может быть стабильная культурная основа. В отличие от Ближнего Востока, Южной Азии или Закавказья, регион Центральной Азии является целостным в религиозном отношении. Это создаёт общую основу для мирного урегулирования споров на основе компромиссов. Хотя надо отметить, что мусульманские государства вообще редко вступают между собой в кровопролитные и разорительные войны. Единственный крупный конфликт такого рода — это ирано-иракская война 1980-х годов, но он возник в уникальных условиях революционных режимов в обеих странах, что подтолкнуло их к столь непримиримому противостоянию.

Однако такое мирное развитие региона не означает, что его сравнительное удаление от России не имеет под собой объективных причин: оно сочетается с новыми практиками отношений, но является совершенно объективным. И нам на уровне экспертной и политической дискуссии стоило бы критически посмотреть на доминирующую пока стратегию «сохранения влияния». Возможно, лучше задуматься о применении более гибких подходов, сочетающих в себе отказ от оборонительного мышления и одновременно готовность к более решительным действиям в тех случаях, когда это действительно необходимо. Нет нужды в одностороннем порядке сворачивать политическое взаимодействие с соседями или присутствие там российских сил. Но нет её и в том, чтобы видеть в изменениях их поведения драму национальной внешней политики.

Сейчас стратегия России на южной части постсоветского пространства находится в процессе эволюции, содержание которой всё больше определяется внутренним запросом на достижение основных целей безопасности и развития. Однако, если в XIX и XX столетиях достижение этих целей воспринималось в еди-

ном комплексе с той или иной формой «освоения» пространств на Востоке, теперь основные усилия направлены именно внутрь России. В этих условиях могут быть подвержены ревизии, пусть и чисто на концептуальном уровне, основные шаблоны и представления, определяющие нашу политику в данных регионах на протяжении долгого времени. Тем более, она всегда будет сталкиваться с отсутствием фундаментального понимания того, зачем нужно активное присутствие после завершения истории отношений с его народами как модернизационного усилия, неразрывно связанного с развитием самого российского общества. При этом противники России исходят из того, что она будет проводить в Центральной Азии оборонительную стратегию, направленную на удержание стран региона в сфере своего влияния «любой ценой». Таким поведением Россия рискует провоцировать своих стратегических оппонентов на Западе, в результате чего они будут ещё более активно стремиться к распылению её сил и создавать в Центральной Азии новые точки напряжения.

Таким образом, новое «открытие» Центральной Азии заставляет нас обращаться к вопросам, имеющим как важное текущее значение, так и вечный интерес с точки зрения понимания природы международных отношений и участия в них отдельных регионов. Однако для России вопросы развития стран Центральной Азии и собственного понимания происходящего в регионе имеют далеко не академическое или дипломатическое значение. Нравится нам или нет, но ответы на них будут оказывать непосредственное влияние на вопросы безопасности российского государства, а также отдельные аспекты его экономической и социальной политики. Тем более, что Россия со времен Василия Бартольда, написавшего лучшие по сию пору произведения по истории Центральной Азии, через советскую школу его учеников и последователей и до современных авторов, внесла наиболее значимый вклад в изучение этого интереснейшего региона. И наиболее интересной задачей может быть поиск того, как совместить подходы и методы познания этого региона, созданные российской наукой за прошедшие почти 200 лет ее сравнительно устойчивого внимания к центральноазиатским народам и цивилизации, с одной стороны, и актуальные задачи российской внутренней и внешней политики, с другой.

Библиографический список

Абашин С. Советское = колониальное? «За» и «против» / Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек. Штаб-пресс. 2017. 578 с.

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971 (перизд. Фрунзе, 1990).

Ахмедов Б. Государство кочевых узбеков. М.: 1965.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Изд-во Наука Казахской ССР, 1986. 256 с.

Бартольд В. История культурной жизни Туркестана / Собрание сочинений. Л., 1927. Т. 2. С. 290.

Бартольд В.В. Рецензия на «Заметки об этническом составе тюркских племен» Н.А. Аристова. СПб.: Лань, 2014. ЗВО. Т. 11. С. 355.

- Бахтин А. Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола, 2008.
- Валиханов Ч. Очерки Джунгарии / Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. 1904. Т. XXIX. С. 41.
- Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоевания в Туркестанском крае. СПб., 1894. С. 2.
- Веселовский Н. Прием в России отпуск среднеазиатских послов в и столетиях // Журнал министерства народного просвещения. Июль 1884. С. 68—105.
- Веселовский Русских невольники в среднеазиатских ханствах // Туркестанские ведомости. 1878. С. 1—11.
- Говорунов А.В., Кузьменко А.П. Ориентализм и право говорить за другого // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2. С. 28.
- Григорьев В. Об отношении России к Востоку. Речь, произнесенная исправляющим должность профессора. 1840.
- Гуломов Х. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII — первой половине XIX века. Ташкент: Изд-во «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2005. 336 с.
- Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе: Кыргызстан, 1966. 429 с.
- Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009. 208 с.
- Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьева / В. О. Ключевской. Сочинения в восьми томах. Том VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1900). Издательство социально-экономической литературы, 1959.
- Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству. Вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017.
- Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143—158.
- Линке П., Наумкин В.В. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, 2013. 216 с.
- Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент: «Узбекистан», 1968. С. 41.
- Наумкин В. Радикальный ислам в Центральной Азии: между ручкой и винтовкой, Боулдер: Роуман и Литтлфилд, 2005.
- Негматов Н. Государство Саманидов: IX—X века. Душанбе, 1989.
- Саид Э. Культура и империализм / пер. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мирь, 2006.
- Сафранчук И.А. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. С. 112—121.
- Сафранчук И.А. Всегда на распутье // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. С. 119—132.
- Сафранчук И., Махмудов Р. Транспортная связанность и международные процессы в Евразии: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 10. С. 24—32.
- Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 574 с.
- Табышалиев С.Т. Неугомимый исследователь / Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Ф.: Кыргызстан, 1990. С. 10.
- Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1886. С. 213—214.

Шарифуллина Ф. Касимовские татары. Казань, 1991.

Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. Ирина Шевеленко. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 333 с.

Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: Изд-во УзФАН, 1941.

References

Abashin S. Sovetskoye = kolonial'noye? «За» i «protiv» / Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii [Soviet = Colonial? "For and against / Concepts of the Soviet in Central Asia]. Bishkek. Shtab-pess. 2017. 578 p. (In Russian).

Abramson S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskiye i istoriko-kul'turnyye svyazy [The Kirgiz and their ethno-genetic and historical-cultural ties.]. — L., 1971 (perezid. Frunze, 1990).

Akhmedov B. Gosudarstvo kochevykh uzbekov. [The state of the nomadic Uzbeks]. M.: 1965.

Baipakov K.M. Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI — nachalo XIII v.) [Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (VI — beginning of XIII century)]. Izd-vo Nauka Kazakh SSR, 1986. 256 с.

Bakhtin A.G. Obrazovaniye Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv [Formation of the Kazan and Kasimov Khanates]. Yoshkar-Ola. 2008.

Bartold V. Istoriya kul'turnoy zhizni Turkeстана [History of the Cultural Life of Turkestan]. Sobraniye sochineniy. S. VOL. 2. 290.

Bartold V.V. Retseziya na «Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen» N.A. Aristova [Review of "Notes on the ethnic composition of Turkic tribes" by N.A. Aristov]. ZVO vol.11, p. 355.

Dzhangerchinov B. Ocherki politicheskoy istorii Kirgizii XIX veka [Sketches of the political history of Kyrgyzstan in the XIX century.]. Frunze: Kyrgyzstan, 1966. 429 p.

Firsov N. Polozheniye inorodtsev Severo-Vostochnoy Rossii v Moskovskom gosudarstve. Kazan' [The position of foreigners from the northeast of Russia in the Moscow State]. 1886. S. 213—214.

Govorunov A.V., Kuz'menko A.P. Oriyentalizm i pravo govorit' za drugogo [Orientalism and the right to speak for others] // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. 2013. № 2. P. 28.

Grigor'yev V. Ob otnoshenii Rossii k Vostoku. Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professora [On Russia's attitude towards the East. Speech by the acting professor]. 1840.

Klyuchevskiy V. O. Pamyati S. M. Solov'yeva [In memory of S.M. Solovjov] / V. O. Klyuchevskoy. Sochineniya v vos'mi tomakh. Tom VIII. Issledovaniya, retsenzii, rechi (1890—1900). Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1959.

Kotlyarov D.A. Ot Zolotoy Ordy k Moskovskomu tsarstvu. Vkhodzheniye narodov Povolzh'ya v sostav Rossii [From the Golden Horde to the Moscow tsarstvo. Incorporation of the Volga peoples into Russia]. SPB. 2017.

Krivoshcheyev Yu. V., Dvornichenko A.Yu.: Iznaniye nauki: rossiyskaya istoriografiya v 20-kh—nachale 30-kh gg. XX v [The Exile of Science: Russian historiography in the twenties and early thirties of the 20th century]. Otechestvennaya istoriya. 1994. № 3. S. 143—158.

Linke P., Naumkin V.V. Transformatsiya i konflikty v Tsentral'noy Azii i na Kavkaze. Moskva. IV RAN. 2013. 216 S.

Masson M.E. Padayushchiy minaret [A falling minaret]. Tashkent. «Uzbekistan». 1968. S. 41.

Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle, Boulder: Rowman and Littlefield, 2005.

Negmatov N. Gosudarstvo Samanidov: IX—X veka [Samanid state: IX—X century]. Dushanbe. 1989.

- Said E. Kul'tura i imperialism [Culture and Imperialism]/ Per. A. V. Govorunova. SPb.: Vladimir Dal', 2012.
- Said E. Orientalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism. Western ideas about the East]/ Per. A. V. Govorunova. SPb.: Russkiy Mir", 2006.
- Safranchuk I.A. Konkurentsia za bezopasnost' Tsentral'noy Azii. Rossiya v global'noy politike. 2007. № 6. S. 112—121.
- Safranchuk I.A. Vsegda na rasput'ye. Rossiya v global'noy politike. 2016. № 6. S. 119—132.
- Safranchuk I., Makhmudov R. Transportnaya svyazannost' i mezhdunarodnyye protsessy v Yevrazii: problemy i protivorechiya. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 2021. T. 65. № 10. S. 24—32.
- Sharifullina F. Kasimovskiy tatars [Kasimov Tatars]. Kazan, 1991.
- Shevelenko I. D. Modernizm kak arkhazim: natsionalizm i poiski modernistskoy estetiki v Rossii. Irina Shevelenko. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017. 333 s.
- Starr F. Utrachennoye Prosveshcheniye: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoyevaniya do vremen Tamerlana [The Lost Enlightenment: The Golden Age of Central Asia from the Arab Conquest to the Time of Tamerlane] / per. S angl. M. : Al'pina Publisher, 2017. 574 s.
- Tabyshaliyev S.T. Neutomimyy issledovatel' / Abramzon S.M. Kirgizy i ikh etnogeneticheskiye i istoriko-kul'turnyye svyazi [Tireless researcher / Abramzon S.M. Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural relations]. F.: Kyrgyzstan. 1990. S. 10.
- Valikhanov Ch. Ocherki Dzhungarii / Sochineniya Chokana Chingisovicha Valikhanova. [Sketches of Dzungaria / Works of Chokan Chingisovich Valikhanov] Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography]. VOL. XXIX.
- Veselovskiy N. Kirgizskiy rasskaz o russkikh zavoyevaniyakh v Turkestanskom kraye [A Kyrgyz account of the Russian conquests in Turkestan]. SPb. 1894.
- Veselovsky N. Priyem v Rossii otpusk sredneaziatskikh poslov v i stoletiyakh [Reception in Russia of the leave of Central Asian ambassadors in and centuries] // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]. July 1884. C. 68—105.
- Veselovsky N. Russian slave labourers in Central Asian khanates [Russkikh nevol'niki v sredneaziatskikh khanstvakh] // Turkestan Vedomosti. 1878. C. 1—11.
- Yakubovskiy A. Yu. K voprosu ob etnogeneze uzbekskogo Naroda [Regarding the question of the ethnogenesis of the Uzbek people.]. Izd-vo UzFAN. Tashkent. 1941.
- Zvyagel'skaya I.D. Stanovleniye gosudarstv Tsentral'noy Azii: Politicheskiye protsessy [Stanovleniye gosudarstv Tsentral'noy Azii: Politicheskiye protsessy]. M.: Aspekt Press, 2009. 208 p.